

## МИФ И МУЗЫКА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

*Миф и музыка являются объектом исследования многих наук, прежде всего, философии, культурологии, социологии и политологии, каждая из которых по-своему пытается определить их место и роль в истории и культуре. Особое развитие при этом получают прикладные исследования их способностей внушать, кодировать, направлять и регулировать. Цель данной статьи – проанализировать манипулятивные возможности мифа и музыки. В работе доказывается, что мифологически окрашенное восприятие реальности характерно для любой эпохи, но особенно оно актуализируется в эпоху перемен. А в связи с тем, что музыка как метаискусство тесно связана с мифотворчеством, оно может быть использована для сознательного изменения представлений о мире.*

**Ключевые слова:**

*миф, музыка, мифотворчество, массовое сознание, манипуляция сознанием, мировосприятие, структурообразующий компонент культуры.*

Рочняк Е.В. Миф и музыка как основополагающие компоненты культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 3. – С. 41–44.

© Рочняк Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Горловский институт иностранных языков, г. Горловка (Донецкая Народная Республика); e-mail: lero1981@yandex.ru

Сегодня мы все чаще наблюдаем процесс актуализации определенных мифологических атрибутов. Имеет место повышенное внимание к языческим верованиям, оккультизму, магии, астрологии, уфологии, паранормальным явлениям. В общественном сознании мир снова наполняется сверхприродными силами, духами, реставрируются древние и создаются новые мифы, формируются целые концепции, основанные на мифологическом восприятии и направленные на объяснение как частных явлений, так и целого мира.

Отчасти данная ситуация обуславливается кризисными явлениями экономического, политического и культурного характера в современном обществе. Человек пытается адаптироваться к изменчивой ситуации, ориентируясь прежде всего на интуитивные формы восприятия. Сознание апеллирует к мифу, находит в нем ценностные ориентиры цивилизации. Миф констатирует и конституирует картину мира, становится концентратом само- и миропонимания. Он отрешает человека от частных событий, находит в них общий, символический, архетипический смысл. В этом ракурсе испытания, страдания становятся понятными и оправданными. Они соответствуют определенным нормам и порядкам, правомочность и ценность которых не подвергается сомнению.

Эта идея встречается в работах Ф. Ницше, который констатирует потребность человека в иллюзии и фикации, что выступает своеобразной идеологической опорой. «А без мифа, – пишет философ, – всякая

культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое. Все силы фантазии и аполлонических грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания. Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стоять на страже; под их охраной подрастает молодая душа, по знамениям их муж истолковывает себе жизнь свою и битвы свои; и даже государство не ведает более могущественных неписаных законов, чем эта мифическая основа...» [3, с. 128]. Мифознание и мифотворчество преодолевают территориальные и временные границы, выступают идеальной побудительной силой общественного поведения. Эмоционально-чувственная, ассоциативная форма постижения действительности характеризуется непосредственностью, целостностью восприятия и реагирования. Миф и символ – порождение иррационального начала – сегодня отлично сочетаются с рационально-критическим подходом. Современный миф объединяет иррациональное и рациональное, идеальное и реальное. Он становится более открытым и подвижным.

В теориях массовой коммуникации (Р. Барт, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, Х.М. Мак-Люэн, Э. Тоффлер) миф соотносится с механизмом манипулирования общественным и массовым сознанием, насаждением определенных стереотипов мышления, поведения, потребления и моды. В современном мире теория и практика манипулирования имеют широкое приме-

нение. Технология глобального, государственного манипулирования предполагает систематическое внедрение в общественное и массовое сознание идеологических и политических мифов. Искусственные мифы составляют фундамент иллюзорной картины мира, создаваемой современными манипуляторами. Смоделированная реальность имеет и обратный эффект: формируются подсознательные установки, которые под влиянием времени или определенных обстоятельств воспринимаются уже как собственные мотивации человека.

Общественное сознание связано с массовым сознанием, или сознанием определенных масс, социальных групп. Как правило, исследователи рассматривают массовое сознание как особый вид общественного сознания. «Новейший электронный философский словарь» [4] определяет массовое сознание как деперсонализированное, шаблонное сознание предшественников развитого индустриального общества, которое формируется под влиянием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры. Исторически это одна из форм дотероретического миропонимания, основанная на одинаковом жизненном опыте людей, занимающих одинаковое место в социальной иерархии и включенных в однотипные структуры практической деятельности. Его основные установки представляют собой набор эмоционально-образных суждений и конкретно-практических моделей поведения. В отличие от примитивного «стадного» массовое сознание имеет сложную структуру, является своеобразным подсознанием общества, аккумулирует значительный слой неявных мировоззренческих моделей и сценариев поведения разного происхождения и направленности: от авангардно-инновационных до радикально-деструктивных. Изначально, на дорефлексивном уровне формируется определенный набор ожиданий и приоритетов, который потом дополняется рационально-теоретическим началом, придающим мировоззрению логичность, системность и целостность. Иначе говоря, массовое сознание базируется на наличных формах социальной практики, имеет своеобразный творческий потенциал, который находит свое выражение в форме потребностей и ожиданий определенной общности и несет соответствующие изменения в сферу социальной и культурной жизни.

Господствуя в сфере коллективного бессознательного, миф легко проникает в массовое сознание. Во-первых, масса руководствуется более иррациональным – чувством, чем рациональным – разумом. Она мыслит образами, воспринимает модаль-

ности и крайности, поэтому эффективно срабатывают архетипичные конструкции мифа (мы–они, свой–чужой, герой–враг, добро–зло). Во-вторых, массовое сознание характеризуется отсутствием критичности, снижением уровня ответственности. В свою очередь, миф удовлетворяет бессознательное влечение к пассивности, освобождает от необходимости делать выбор, поскольку модель поведения преддана. Он не предусматривает свободы. Он связывает субъекта обетом верности священному первоисточнику (судьба, воля богов, закон кармы, национальный дух). Это своеобразный механизм превращения возможного в неминуемое, свободы в необходимость, то есть суггестии и манипуляции. Подчеркнем еще раз. Миф – не специфическая форма массового сознания, но его неотъемлемый атрибут. И миф, и массовое сознание выполняют нормативную функцию, утверждают определенные принципы и правила поведения, служат гармонизации представлений о мире и месте в нем человека.

Уже во времена древних цивилизаций социальная и политическая элита использует возможности искусства для руководства и манипулирования обществом. С появлением новых видов и технических средств роль искусства лишь возрастает. Огромное значение в этом деле имеет музыка. Способность оказывать глубокое воздействие на разных уровнях психики делает ее тонким и необыкновенно эффективным инструментом суггестии. Ни одно общество, ни одна социальная группа не обходятся без музыки. Более того. Каждый человек имеет определенное отношение к музыкальной культуре. Форма этого отношения-участия (активная или пассивная), потребность в разных музыкальных стилях и жанрах – другой вопрос. Большую часть информации об окружающем мире человек получает благодаря зрению, а не слуху. Тем не менее, звуковые раздражители являются более активными, чем все остальные. Их тяжело избежать, они быстро утомляют нервную систему. Музыка как никакой другой вид искусства базируется на воображении. Соединение двух гибких сфер, чувства и воображения, наиболее уязвимо для манипулятивного влияния.

Человек артикулирует свое внутреннее «Я» через внешние формы, в числе которых находится искусство в целом и музыка в частности. Музыка соединяет в себе универсальное и уникальное. В ней естественно объединяются инвариантные интонационно-семантические элементы со свободой их трансформаций. Данный факт позволяет музыке выражать как наиболее общие идеи и чаяния всего чело-

вечества, так и индивидуальные черты и настроения конкретного человека. Музыка не только фиксирует, тиражирует и передает психологические характеристики, но еще и воздействует на них, стимулирует их появление, направляет и динамизирует. Она являет собой феномен, связанный с априорным самоощущением и позиционированием человека в мире. Поэтому ее можно рассматривать и как элемент, и как средство построения и раскрытия мифа.

Миф является исторически первой формой общественного сознания, музыка – одной из древних форм коммуникации. Их использование с целью тайного влияния носит естественный характер и дает максимальный эффект. Естественно, в процессе исторического развития, смены культурных эпох изменяются представления об устройстве мира, о месте в нем человека, о принципах морали и поведения. Миф и музыка как специфическое отражение реальности также эволюционируют. Соответственно, каждая историческая эпоха имеет свой миф и свою музыку, создает или трансформирует уже существующие. Достаточно вспомнить использование идеологами Третьего Райха творчества Л. ван Бетховена и Р. Вагнера, провозглашение их своими духовными предтечами. Действительно, в творчестве этих композиторов присутствует националистический момент, идея создания сплоченной немецкой нации. Р. Вагнер не только не скрывает, но и подчеркивает факт того, что его произведения призваны воздействовать на массовое сознание с целью формирования единого национального нарратива. Однако там нет радикализма, ведущего к шовинизму, антисемитизму, расизму, фашизму. С другой стороны, такого рода факты служат доказательством того, что музыка является не нейтральным, а значительным фактором в определении ценностей и норм поведения. Музыка Р. Вагнера способствует объединению немецкой, Э. Грига – норвежской, Ф. Листа – венгерской нации, Ф. Шопен верит в то, что именно его музыка освободит Польшу от гнета российского самодержавия. В самой России на этот период приходится активная деятельность М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского, композиторов «Могучей кучки», П.И. Чайковского, основателей русской классической музыкальной школы.

Р. Вагнер и Ф. Ницше одними из первых, если не самыми первыми, акцентируют соотношение мифа, искусства, в частности, музыки, и манипуляции сознанием. Первый являет собой уникальную фигуру художника, пытающегося осознать механизмы воздействия искусства на широкую аудиторию и с успехом использующего данные механиз-

мы в своем творчестве. Ф. Лаку-Лабарт пишет: «Иначе говоря, сегодняшняя политика подразумевает, что мы можем обеспечить себе собственное место в истории только сознательным порождением (и насаждением) мифов, которые пытаемся назвать своими собственными. Ясно, что на этот путь бросает свою до сих пор гигантскую тень фигура Вагнера [1, с. 215–216]». Второй создает философскую концепцию, рассматривает миф как неотъемлемую часть человеческого сознания, разделяет общество на избранных и массу, признает необходимость сознательного мифотворчества первых для вторых. В мифе он видит принципы мироустройства, спасение европейской культуры от гибели.

В творческом процессе Ф. Ницше выделяет две «художественные силы, прорывающиеся из самой природы», два «художественных инстинкта природы»: аполлоническое и дионисическое начала. С одной стороны, это «мир сонных грез», совершенство которого не находится ни в какой зависимости от интеллектуального или эстетического развития человека, с другой стороны, это «действительность опьянения», которая также не обращает внимания на отдельного человека, стремится уничтожить, освободить его мистическим ощущением единства. Каждый творец – лишь раздражитель, либо аполлонический художник сна, либо дионисический художник опьянения, либо одновременно художник и сна, и опьянения. Развивая эту мысль, философ относит музыку к дионисическому началу, мощной хтонической силе, сердцевине всего сущего. Это непосредственное проявление воли, метафизическое начало, вещь в себе. Она побуждает к образованию символического образа мира и придает этому образу высшую значимость. То есть, музыка порождает и наиболее адекватно выражает миф. Ницше пишет: «Трагедия всасывает в себя высший музыкальный оргазм и тем самым приводит именно музыку, как у греков, так и у нас, к совершенству; но затем она ставит рядом с этим трагический миф и трагического героя, а этот последний, подобно могучему титану, приемлет на рамена свои весь дионисический мир и снимает с нас тяготу его; между тем как, с другой стороны, она, при посредстве того же трагического мифа, в лице трагического героя способствует нашему освобождению от алчного стремления к этому существованию, напоминая нам о другом бытии и высшей радости, к которой борющийся и полный предчувствий герой приготавливается своей гибелью, а не своими победами. Трагедия ставит между универсальным значением своей музыки и дионисически восприимчивым зрителем неко-

торое возвышенное подобие, миф, и возбуждает в зрителе иллюзию, будто музыка есть лишь высшее изобразительное средство для придания жизни пластическому миру мифа. Опираясь на этот благородный обман, она может теперь дать волю своим членам в дифирамбической пляске и, не задумываясь, отдаться оргиастическому чувству свободы, – на что она, будучи только музыкой и не располагая указанным обманом, не могла бы решиться. Миф обороняет нас от музыки – и, с другой стороны, только он и придает ей высшую свободу. В благодарность за это музыка приносит в дар трагическому мифу такую всепроникающую и убедительную метафизическую значительность, какой слово и образ, без этой единственной в своем роде помощи, никогда не могли бы достигнуть; и в особенности при ее посредстве трагическим зрителем овладевает именно то, упомянутое нами выше, уверенное предчувствие высшей радости, путь к которой ведет через гибель и отрицание, так что ему чудится, словно с ним внятно говорит сокровеннейшая бездна вещей [3, с. 117–118].

По нашему мнению, интерес к творчеству Р. Вагнера и Ф. Ницше обусловлен сложной, глубокой проблематикой, уникальным подходом, отношением к мифу как вечно живому началу, философией жизни. Попытки демифологизировать и десакрализировать мир, свести проявления человеческого духа к исключительно рациональному восприятию действительности, которые восходят к новоевропейской интеллектуальной традиции, должны были привести к полной дискредитации мифа. Однако результатом данных попыток становится осознание того, что миф и его объективация в искусстве является необходимым условием творческой самореализации человека, поиска и обретения смысла жизни. Мифотворчество – это всегда создание ценностно-смысловой системы, основы мира. Художник является своеобразным медиумом, который соединяет прошлое, настоящее и будущее, открывает или акцентирует новые перспективы. Немецкие мыслители предлагают собственное видение мифа и музыки, их целей и возможностей в социокультурном пространстве. Под влиянием их идей воз-

никает новое отношение к мифу и музыке, сознательно и активно начинают использоваться их суггестивные возможности.

Миф и музыка отражают национальную психологию, которая содержит координированную систему идейно и эмоционально насыщенных образов, проявляющуюся как в мировоззренческих, религиозных, философских теориях, концепциях, преданиях, произведениях искусства, так и в повседневном укладе, традициях, обычаях и культах. Миф и музыка близки человеку. К. Леви-Стросс обращает внимание: «Бодлеру принадлежит глубокое замечание о том, что хотя каждый слушатель воспринимает произведение по-своему, можно тем не менее констатировать, что «музыка вызывает в различных мозгах аналогичные идеи» (р. 1213). Иными словами, музыка и мифология вызывают в слушателях работу общечеловеческих (commune) ментальных структур [2, с. 33–34]». Они во многом определяют жизненные приоритеты человека и общества. Для них характерна динамика, а не статика. Они одновременно вызывают и мысли, и чувства, не только отражают, но и конструируют реальность, не только приспособливают, но и изменяют человека, общество и мир.

Мифологическое и музыкальное творчество является наиболее древним и наиболее распространенным видом человеческой деятельности. Миф и музыка преодолевают территориальные и временные границы, господствуют в сфере индивидуального и коллективного бессознательного, гармонизируют представления о мире, выступают нормативной и побудительной силой поведения человека и общества, являя собой структурообразующий компонент культуры.

И миф, и музыка тесным образом связаны с суггестией и манипуляцией индивидуальным и общественным сознанием. Одними из первых в истории философии эту взаимосвязь акцентируют Р. Вагнер и Ф. Ницше. В своих произведениях они открывают и подчеркивают потенциал мифа и музыки, возможность и необходимость сознательно, целенаправленного мифологического и музыкального творчества, которое кардинально изменяет само- и мировосприятие.

#### Список литературы:

- [1] Лаку-Лабарт Ф. *Musica ficta* (Фигуры Вагнера) / Пер. с фр., послесловие и примечания В.Я. Лапичко. – СПб.: Аксиома, Азбука, 1999. – 224 с.
- [2] Леви-Стросс К. *Мифологии*: В 4 т. / Пер. с фр. З. Сокулер. Т. I: Сырое и вареное. – М., СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
- [3] Ницше Ф. *Рождение трагедии из духа музыки или Эллинизм и пессимизм* // Ницше Ф. *Воля к власти* / Пер. с нем. И. Минакова. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2003. – С. 5–138.
- [4] *Новейший электронный философский словарь*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://fil.vslovar.org.ru/664.html>